

ОТ ЛИТЕРАТУРЫ ГОРОДА К ЛИТЕРАТУРЕ СТРАНЫ

А. БАБАЕВ

Когда в 1932 году Максим Горький спросил у турецких писателей, прибывших в Москву на первомайские торжества, кто из них поставил перед собой задачу показать в литературе крестьянина или рабочего, ему ответили, что, к сожалению, такой писатель в Турции еще не появился.

Прошло 25 лет. Для литературы — срок небольшой. Но сегодня на этот же вопрос турецкие литераторы с полным основанием могли бы ответить, что сейчас в Турции нет или почти нет писателя, который бы не считал своим долгом отражать жизнь крестьян, рабочих, ремесленников, самых широких слоев народа.

Великий пролетарский писатель не случайно спросил прежде всего о крестьянине. Турция — крестьянская страна. Четыре пятых ее населения живет в деревне. Тема крестьянина для литературы такой страны, как Турция, — это тема жизни. Ее-то и недоставало турецкой литературе.

Без преувеличения можно сказать, что до недавнего времени турецкая литература была литературой города. И не города вообще, а конкретно одного города — Стамбула, с его причудливыми минаретами на фоне синего Босфора, с его беломраморными дворцами и султаншами в шелковых шароварах. Недаром Назым Хикмет еще в 1925 году, обращаясь к Пьеру Лоти, автору экзотических романов о Турции, писал:

Мистерии,
покорность,
фатализм,
решетчатые окна,
вырезной карниз,
караван-сарай и караваны,
на площадях прохладные фонтаны.
Под рассказ Шехеразады
год и тысячу лет
отдыхает падишах над бассейном лазурным...
По улицам рыщут собаки и люди,
султанша танцует на серебряном блюде...
Вот Восток европейских поэм и романов!

Так описывал Турцию Пьер Лоти, так описывали ее и турецкие писатели и поэты.

Позже были созданы произведения, повествующие не только о куполах мечетей и тайниках дворцов, но и об узких улицах и скромных домах Стамбула. Писатели осмеливались иногда вторгаться даже в частную семейную жизнь благочестивого мусульманина. Появились романы, в которых вопросы любви и брака решались с позиций буржуазной морали. На улицах города и на страницах книг замечали новые люди, сменившие фески на шляпы, одряхлевшую империю на молодую республику. На глазах у современника менялось все: государственный строй и литературные вкусы, взгляды на жизнь и отношение к рифме. Не менялось только одно — литература. Как по местожительству писателей, так и по содержанию она продолжала оставаться городской, стамбульской. Если тот или иной писатель и обращался к теме деревни, то он делал это, как чужестранец, рассказывающий о своих случайных впечатлениях от пребывания в неизвестной ему стране.

Но уже в 30-х годах в турецкой литературе наме-

чается поворот к крестьянской Анатолии. Со страниц книг слышится то жалобный стон крестьянина, умирающего от туберкулеза, то сердитый окрик собирателя налогов. Известный писатель Сабахаттин Али получает всеобщее признание не только как наиболее выдающийся прозаик турецкой литературы XX столетия, но и как лучший знаток и бытописатель турецкой деревни. В литературу приходят свежие силы — одаренная молодежь. В большинстве своем это выходцы из Анатолии. Будущие литераторы хорошо изучили фольклор, быт и обычаи народа, долго вынашивали сюжет и композицию своих романов и рассказов. Их произведения о деревне отличаются поразительной достоверностью явлений и фактов, проникновением в сущность поставленной проблемы, широтой описания жизни крестьян, художественной убедительностью характеров, живым и красочным народным языком.

Именно авторы произведений о турецкой деревне — Яшар Кемаль, Кемаль Тахир, Орхан Ханчерлиоглу, Самим Коджагез, Орхан Кемаль и другие — определяют лицо современной турецкой литературы. В их романах и рассказах перед читателями раскрывается широкая картина жизни анатолийских крестьян, ведущих тяжелую борьбу за существование, слышится голос самого народа, то бросающего грозный вызов своим угнетателям, то жалующегося в беззвучном плаче на рок и судьбу. Всех этих писателей объединяет желание говорить правду о турецком крестьянине, какой бы горькой она ни была, говорить вслух о его забитости, невежестве и покорности, о его трудной и безрадостной жизни.

Яшар Кемаль в романе «Тоций Мемед», получившем в 1956 году в Турции первую премию конкурса на лучший роман, воспроизводит картины борьбы турецких крестьян за землю, мастерски рисует их быт, нравы, обычаи, тоску и радость и, наконец, выражает их веру в лучшую жизнь. Герой романа, пастушок Мемед, убежав от своего хозяина Абди-аги, хочет добраться до деревни, о которой так много и с таким увлечением рассказывал ему крестьянин Дурсун. По словам Дурсуна, существует деревня, где детей не бьют, где их не заставляют тяжело работать. Там даже на полях не растут колючки, ежедневно окровавливавшие ноги малыша. Маленький Мемед не запомнил названия этой деревни. Но она рисовалась в его детском воображении местом, где он может наконец избавиться от всех бед, которых он успел уже немало узнать, несмотря на свои одиннадцать лет. Автор так и не сообщает названия своей идиллической деревни. Да это и понятно. Для сегодняшней Анатолии деревня, где бы богатый хозяин не избивал своего малолетнего работника, где бы детей не заставляли работать, — несбыточная мечта.

С годами герой Яшара Кемала убеждается не только в том, что мир, в котором жил он и его односельчане, устроен несправедливо, но и начинает понимать, что само собою в нем ничего не изменится. Стихийно он становится на путь борьбы за лучшую жизнь, имея о такой жизни лишь смутное представление. Мечта когда-нибудь добраться до деревни, где на полях не растут колючки, еще прочнее овладевает им в зрелые годы. С этой мечтой он и уходит со страниц романа. Расставаясь с Мемедом, читатель полон уверенности в том, что такие люди, как он, найдут свою мечту.

Для многих современных турецких романов о деревне характерна одна общая сюжетная линия. Молодой горожанин оканчивает университет и получает назначение в какой-нибудь отдаленный уголок Анатолии. Это или каймакам (уездный начальник), или прокурор, или учитель, или врач. Он полон энергии и желания

преобразить деревню. Приехав на место назначения, молодой интеллигент сталкивается прежде всего со своими ошибочными представлениями о самой деревне, а затем с консерватизмом и фанатизмом крестьян, с кулаками, ростовщиками, духовенством — враждебными силами, препятствующими его прогрессивным начинаниям. В борьбе с этими силами интеллигент-одиночка обычно терпит поражение. Такова, например, судьба героя романов «Жестянка» Яшара Кемала, «Сказка про белого бычка» Самима Коджагёза и «Темный мир» Орхана Ханчерлиоглу. Слишком велики те силы, против которых они борются, слишком темны, невежественны и забыты крестьяне. Произведение обычно кончается тем, что герой-одиночка или сам осознает свою беспомощность и необходимость в изменении форм борьбы, или же к этому выводу читатель подводится логикой самого повествования. Чаще встречается второе.

Герою романа Орхана Ханчерлиоглу «Темный мир» помощнику судьи Ахмеду с невероятными трудностями удается убедить местные власти построить электростанцию. Он мечтает о том дне, когда на темных улицах городка засверкают залитые светом витрины магазинов, откроются кинотеатры и крестьяне, приехавшие из окрестных деревень в автобусах, посмотрев кинофильм, на обратном пути будут обсуждать увиденное... Ахмед хочет совершить в деревне культурную революцию, способную, по его мнению, разбудить Анатолию от вековой спячки и приобщить ее к новой жизни.

Но когда наконец электростанция была построена, оказалось, что в жизни городка ничего не изменилось. Провести электричество в дома смогли лишь десятка два высокопоставленных лиц. Остальные обитатели городка по-прежнему ложились спать с заходом и вставали с восходом солнца. Жизнь продолжалась по издревле заведенному порядку. Для того, чтобы изменить этот порядок, одного электричества оказалось мало.

Ахмед отправляется в поездку по деревням и впервые по-настоящему знакомится с их жизнью. Вместе с ним знакомится с нею и читатель. Люди живут здесь в ином мире. У них свое представление о свободе и угнетении, достатке и нужде. Большинство крестьян не знает, кто правит страной — султан или президент. Они слышали только о Мустафе Кемале, но кем он был, толком не знают. Крестьяне и понятия не имеют о врачах и лекарствах. У них своя медицина — не потому, что они не доверяют врачам, а просто потому, что врач им недоступен. Семь месяцев в году они не имеют никакой связи с остальным миром. Болезнь вола воспринимается ими куда более тяжело, нежели болезнь человека. Если умрет человек, семья лишится двух рабочих рук, если же сдохнет вол, то всей семье угрожает голодная смерть...

Поблизе познакомившись с жизнью крестьян, Ахмед понимает, что до кино и освещенных витрин им еще очень далеко. «Не велика мудрость поставить на воде колесо и зажечь пять-шесть лампочек», — говорит автор устами одного из персонажей романа, — нужно поднять общество до того, чтобы оно само зажгло эти лампочки. Не велика мудрость, вмешавшись в спор между Хасаном и Хусейном, сказать Хасану: «Ты прав». Нужно поднять общество на такую высоту, чтобы сам Хасан встал перед тобой и сказал с достоинством: «Я прав». Не велика мудрость убить микроба трахомы в глазах Али, нужно просветить общество, чтобы оно не допускало заражения этими микробами своих граждан».

В этих словах — основная идея произведения. Решение задачи состоит не в поднятии культуры отдельных деревень, а в коренном изменении всего общества, в перестройке всей жизни. Придя к такому

выводу, автор, тем не менее, в условиях турецкой цензуры не мог указать более конкретные пути такого переустройства.

Не у всех турецких писателей, пишущих о деревне, идея произведения, его цель вырисовываются даже в такой степени четко. Иные сознательно отрицают то, что их произведения имеют определенную цель. И не всегда это происходит по причинам цензурного порядка. Быть как можно более объективным, безучастным к происходящему, выдать себя за беспристрастного наблюдателя, добросовестно фотографирующего увиденное, — так понимают свою творческую задачу некоторые писатели.

Следует подчеркнуть, что передовые турецкие писатели отказываются от прямого поучения, от дидактики. Подчас они не становятся определено на чью-либо сторону: идея произведения не формулируется прямо, а читатель познает ее по ходу развития характеров и событий.

Бедственного положения крестьян не могут не видеть и представители реакционной части турецкой интеллигенции. Но они не только замалчивают это положение, но и нападают на прогрессивных писателей, утверждая, что последние «сеют среди крестьян семена недовольства, бунтарства, непослушания». Так, например, известный буржуазный критик Нуруллах Атач упрекал прогрессивных писателей за то, что они расквашают крестьянину глаза на его жизнь. «Крестьянин был доволен своим положением, ему даже в голову не приходило, что можно жить иначе», — писал Атач. Идеологи буржуазии советуют писателям не вмешиваться в политику. «Отличие художника от врача состоит в том, что художник не может давать рецептов», — поучает критик Фикрет Ойтам.

На эти «советы» писатель Самим Коджагёз, автор романов о турецкой деревне, ответил следующим образом:

«Я спросил у одного критика:

— Что ты сделаешь, если у тебя в доме вспыхнет пожар?

— Постараюсь потушить.

— А если уже весь дом будет охвачен пламенем?

— Позову на помощь соседей.

— Но если и они не смогут помочь?

— Вызову пожарную команду.

Вот и я, увидя пожар в моей стране, обязан кричать о нем во все горло, указать место, где вспыхнул пожар, направить туда пожарную команду».

В борьбе за народную, прогрессивную литературу турецкие писатели сталкиваются со значительными трудностями. Их обвиняют в «левизне» и «подстрекательстве». Им приписывают стремление умышленно показывать только отрицательные явления в жизни и таким образом превратить литературу в орудие борьбы с существующим режимом. Их подвергают репрессиям, а на лучшие произведения турецкой литературы пытаются наложить запрет. Пезами Сафа, реакционный писатель и публицист, называет передовых писателей Турции «змеями» и «закоренелыми преступниками», «уличает» их в «коммунистической деятельности». Его особенно раздражает то, что «левые сборники, которые несут красный оттенок, выпускаются один за другим».

Но, несмотря на все эти трудности, турецкая литература, ее здоровое, прогрессивное ядро, продолжает свое благородное дело. Без преувеличения можно сказать, что книги прогрессивных авторов составляют сегодня три четверти всей художественной продукции издательств. Объясняется это просто: издатели печатают те книги, на которые есть спрос. А тяга турецкого читателя к этим книгам огромна. Он уже решил, что ему читать, а от чего отказаться.

У турецкого читателя выработался хороший вкус.